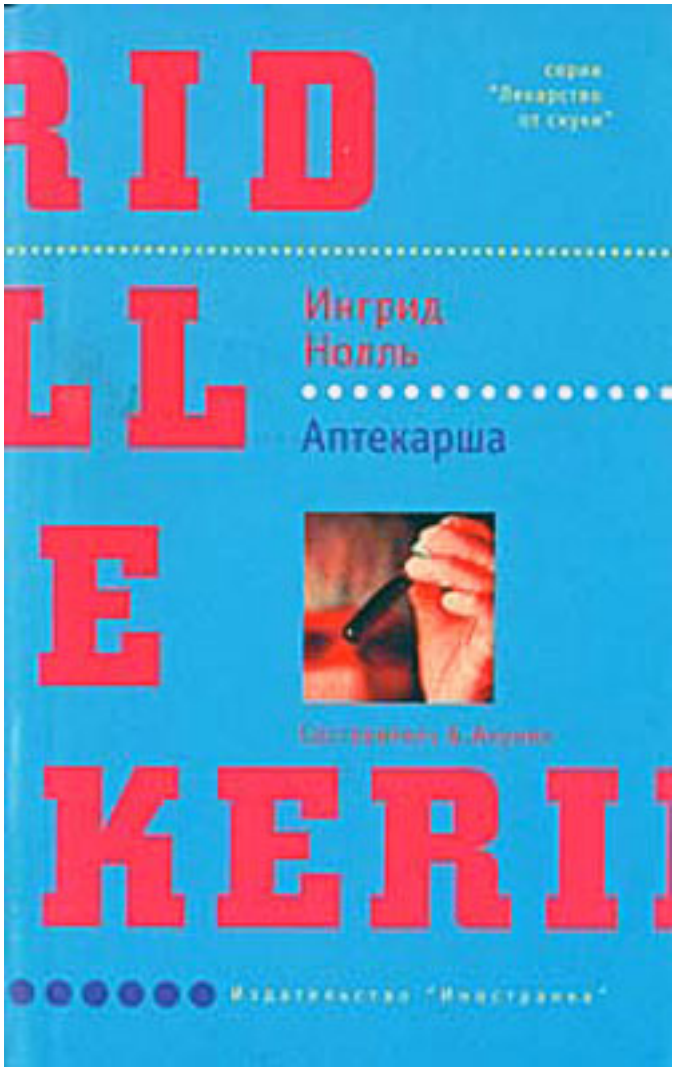
RID
LL
E
KERI
серия
"Лекарство
от скуки"
Ингрид
Нолль
Аптекарша
Издательство "Иностранка"

Ингрид Нолль
Аптекарша

sad369; Влад
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639415
Аптекарша: Иностранка; М.; 2001
ISBN 5-94145-055-9

Аннотация

Героиня, с детства прозванная «убийцей», рассказывает соседке по больничной палате свою странную историю: по воле случая она лишила жизни нескольких человек, которые имели несчастье или неосторожность оказаться у нее на пути. Но решится ли она, теперь уже сознательно, устранить последнюю помеху своему благополучию?

По книге «Аптекарша» снят фильм с Катей Риман в главной роли.

Содержание

1 4
2 9
3 16
4 22
5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Ингрид Нолль
Аптекарша

1

Никакого иного добра, кроме необъяснимого гонора да еще высокомерного семейного девиза – «О деньгах не говорят, их имеют», – моя мать от своего клана не унаследовала. По отношению к моему отцу она, как правило, неизменно проявляла почтительность, но в его отсутствие, случалось, входила во вкус поистине первобытной свирепости, достойной ископаемых тиранозавров. Мы, дети, осознали хищность ее натуры не сразу, а лишь когда отец без всякой видимой причины вдруг наотрез отказался есть мясо и стал фанатичным – в пределах семьи, разумеется, – поборником вегетарианства. Впрочем, нам, учитывая потребности наших растущих детских организмов, он иногда великодушно дозволял полакомиться парой ломтиков копченой колбасы, яйцом или крохотной порцией гуляша по воскресеньям.

Зато в четыре часа пополудни, когда другие домохозяйки наконец-то позволяют себе расслабиться за чашечкой кофе, наша толстая, приземистая мама устраивала настоящую мясную оргию – себе, мне и моему брату. Это были долгожданные минуты молчаливого утробного единения, полные запретного, сладостного и постыдного восторга.

Покончив с обильной трапезой, мы, словно шайка убийц за устранение трупа, принимались за тщательную ликвидацию бренных останков всего съеденного, торопясь управиться с этим делом до отцовского возвращения. Ни единой улики не должно было остаться от нашего жуткого и упоительного пиршества – ни костей, ни хрящей, ни пятнышек застывшего жира, ни грязных тарелок, ни даже самого мясного духа. Исступленно чистились зубы, опорожнялось и досконально проверялось мусорное ведро, а всей кухне посредством аэрозольного освежителя воздуха возвращалось прежнее состояние невинности.

Но поскольку я все-таки была папиной дочкой, я очень страдала от своего преступного мясоедения. Так что не случись со мной примерно год спустя главная травма моего детства, я бы, наверно, заимела комплекс вины от мясных прегрешений.

Мой отец любил пословицы и присказки, когда речь заходила о деньгах. Это от него мы сызмальства узнали, что деньги не пахнут, что они на улице не валяются, что они правят миром, хотя и не в них счастье. Но чаще всего он приговаривал: «Деньги – это не вопрос». Тратил он их как заблагорассудится; когда моему брату в одиннадцать лет вздумалось учиться музыке, ему купили неприлично роскошный концертный рояль, который и по сей день загромождает гостиную моих родителей, хотя тренькал на нем братец от силы месяцев восемь. В то же время отец настаивал на том, чтобы линейки, треугольники, фломастеры, заколки и кеды я приобретала на свои карманные деньги. Даже мать не знала, сколько отец получает, но неизменно исходила из того, что зарабатывает он «по максимуму». Однако, поскольку прямо говорить о деньгах у нас было не принято, матери приходилось иной раз выражать свои пожелания в виде тонко завуалированных намеков. Мне к окончанию школы отец подарил малолитражку, хотя именно о таком подарке всегда мечтал мой братец.

Я довольно рано усвоила, что родительскую любовь можно купить усердием и старанием. Родители гордились моими отметками, прилежанием и первыми успехами в роли будущей домохозяйки.

Сохранились детские фотографии, на которых я запечатлена в роли маленькой садовницы – с лейкой в руке и в соломенной шляпке. Отец увековечил меня и в облачении кухарки – в большом клетчатом фартуке я в песочнице затейливо украшаю зубной пастой вылеплен-

ные из песка куличи, и еще – last but not least[1] – в роли медсестры: на моей детской постели все куклы и медвежата уложены ничком, а на их якобы поврежденных конечностях – гигантские повязки из туалетной бумаги. У иных из кукол корь, о чем свидетельствует сыпь, щедро нанесенная красным мелком на их мордашки. Я могу припомнить лишь один-единственный случай, когда мой медсестринский пыл вызвал суровое родительское недовольство, – это когда я попыталась путем искусственного дыхания методом «рот в рот» оживить крота, безнадежно и, должно быть, уже не первый день дохлого.

В те годы я еще воображала себя любимицей семьи: милый прилежный ребенок, славная девчушка, безропотно выходившая гулять с косынкой на голове. Когда настало время идти в школу, я и там старалась не обмануть ничьих ожиданий; я была прилежная, любознательная ученица, все больше проявлявшая склонность к естественным наукам. Уже в десять лет я засушивала растения, закладывая их между страниц книг, тем самым положив начало гербарию, который хранится у меня до сих пор. Все во мне и на мне было чистеньким и аккуратным, комната моя всегда была образцово прибрана, и подружек для игр я подбирала таких же, себе под стать, и даже моя колония дождевых червей, которых я разводила в подвале, была с безупречной стерильностью отделена от заложенных на зиму яблок.

Однако в старших классах мое чрезмерное прилежание почему-то перестало вызывать дружеское уважение однокашников. Даже такой, казалось бы, пустяк, как моя привычка подчеркивать важные предложения в учебниках ярко-желтым фломастером, да еще и по линейке, стала вызывать раздражение и ехидные шуточки: дескать, у этой зубрилы от усердия даже книги желтеют. Сколько ни старалась я завести себе подружек – у меня их больше не было. А от дежурных похвал учителей мне становилось совсем невмоготу.

И вот, когда мне стукнуло двенадцать, тут-то все и случилось. Была короткая перемена, учительница вышла из класса, а я, как всегда, помчалась в туалет, – я даже туда бегала чаще других, должно быть, от нервного напряжения. Когда, вернувшись, я попыталась войти в класс, дверь почему-то не открылась. Мои одноклассники, человек десять, не меньше, приперли ее изнутри и не пускали меня в класс, через дверь я слышала их приглушенный шепоток и гнусное хихиканье. Вообще-то меня не так просто вывести из себя, но в тот сумрачный зимний день мне с самого утра было тошно, и я не смогла сдержать слезы. Разозлившись, я изо всех сил стала биться в серую обшарпанную дверь, неодолимой преградой отделявшую меня от остальных. До начала урока оставались минуты, надо было мне, дуре, просто дождаться звонка, а уж при появлении учительницы все эти шутники мигом и, конечно же, с самыми невинными физиономиями расселись бы по местам. Но мне было уже не до шуток – я отошла, чтобы как следует разбежаться, и…

Дверь предательски поддалась, словно изнутри ее никто никогда не держал, и я пушечным ядром влетела в класс. Я успела почувствовать сильный глухой удар латунной ручки, за которую ухватилась, обо что-то твердое, и в тот же миг всем на радость растянулась на гладком зеленом линолеуме. Почти тут же в класс вошла учительница. Мои недруги кинулись врассыпную и уже сидели за партами.

Разумеется, первый и главный спрос был с меня. Я ничего не рассказала: ябед в школе не прощают. Когда в классе снова воцарилось спокойствие, вдруг выяснилось, что одного из учеников почему-то нет.

– Аксель закачался и в коридор вышел, – объяснила моя соседка по парте.

Учительница послала одного из мальчиков узнать, в чем дело, но тот вернулся ни с чем. Тогда она сама пошла взглянуть, куда он запропастился, звала его, даже зашла в мальчишечий туалет. Кто-то предположил, что Аксель, наверно, убежал домой – испугался, что

[1] Последнее, но далеко не самое ничтожное (*англ.*)

во всем обвинят его. Поскольку он и так прогуливал уроки по малейшему поводу и без всякого повода, объяснение всем показалось убедительным.

А через четыре часа Акселя нашли. Как установило вскрытие, он умер от черепно-мозговой травмы – это я нанесла ему смертельный удар дверной латунной ручкой. Он, бедняга, как раз подглядывал за мной в замочную скважину, когда остальные вдруг как по команде отпустили дверь. А потом, то ли от испуга, то ли от боли, убежал в кладовку, где у нас хранились географические карты, и там спрятался. Он скончался от сильного кровоизлияния в мозг.

Потом было самое настоящее полицейское расследование, о котором я, правда, мало что помню. Когда на своей парте я стала находить первые полуанонимные записки, мне, по настоянию родителей, пришлось сменить школу. На вырванных из тетрадки листочках писали всегда одно и то же: «УБИЙЦА».

Дома я иногда ловила на себе пристальный отцовский взгляд – в его бесконечно усталых глазах стояли слезы.

Так что из этой школы меня забрали и упекли в женскую католическую гимназию, под присмотр монашек-урсулинок, где я и вела себя соответственно – тише воды, ниже травы. Главное – не выделяться, вот что стало теперь моим девизом. Впрочем, никакой враждебности никто здесь ко мне не выказывал; моя старая школа находилась в другом районе, слухи о гибели Акселя сюда не дошли. Я и здесь числилась примерной ученицей, малость занудливой, но безвредной тихоней, и меня это вполне устраивало. И только когда мне стукнуло шестнадцать и во мне пробудилась смутная тоска по противоположному полу, роль тихони перестала меня устраивать.

Воспоминания о моей невольной вине преследуют меня постоянно, а здесь, в больнице, от них и подавно никуда не деться ни днем ни ночью.

В больнице этой, даже в отделении первого класса, максимум, на что можно рассчитывать, это палата на двоих, так что особого покоя тут ждать не приходится. Даже почитать толком не дадут. Беспрестанные набеги медсестер и нянечек, то с градусником, то с очередной порцией таблеток, унылое, но сосредоточенное ввиду отсутствия иных чувственных радостей ожидание пресной больничной кормежки, более или менее безмолвное соучастие в беседах твоей соседки с ее посетителями – все это сообщает больничным будням довольно прочный каркас. Свет мы гасим рано. После чего я, словно Шехерезада, живописую моей соседке по палате госпоже Хирте все более пикантные подробности своей интимной жизни, а вот той, судя по всему, в ответ поделиться нечем. Да и что со старой девы взять – у нее в прошлом ни скандалов, ни любовных похождений. В женскую больницу города Хайдельберга она угодила в связи со срочной операцией по удалению матки. Всего лишь миома, уверяет она, доброкачественная опухоль, в сущности безвредная, но причиняет кое-какие неудобства. Я-то лично считаю, что у нее рак.

Ей, конечно, уже все известно о клейме убийцы, которым я была отмечена в двенадцать лет. Кстати, эту историю она выслушала с жадным и нескрываемым любопытством.

Возможно, я потому и рассказываю про свою жизнь, по сути, первому встречному, что для меня это своего рода терапия, которая к тому же – в отличие от пресловутой кушетки в кабинете психоаналитика – ничего не стоит.

Мне было бы еще легче, перейди мы с ней на «ты», но предложить ей это мне неудобно, я ведь моложе. Чтобы сделать первый шаг в этом направлении, я для начала попросила называть меня просто Эллой. Не тут-то было, она вежливо, но твердо поставила меня на место. Да и чего ждать от человека, который даже к своей так называемой подруге обращается не иначе как «госпожа Рёмер»?

– Будь вам лет этак семнадцать, госпожа Морман, тогда еще куда ни шло…

– Да вы же мне в матери годитесь, – ляпнула я в сердцах.

И, видно, задела-таки ее за живое: она только молча сверкнула на меня очками. Но в целом мы с ней ладим. Просто трогательно, до чего эта женщина скорбит об утрате своей матки, хотя боли переносит стойко, как солдат. В конце концов, ну что в ее возрасте этот изъятый орган? Такое же излишество, как, например, зоб.

Иной раз, когда она сидит в туалете, я тайком заглядываю в ящик ее ночного столика и в шкаф. Из направления больничной кассы я уже знаю дату ее рождения, семейное положение (незамужняя, конечно) и, наконец-то, не только фамилию, но и имя (Розмари); однако никаких личных писем, никаких фотографий. Если верить ее словам, деньги и украшения она сдала на хранение в сейф. Держать ценные вещи в палате – это легкомыслие, так она заявила. На вид она не сказать чтобы бедная, да и какая беднячка станет доплачивать за палату первого класса. Ее вещи – духи, ночное белье, халат – тоже не из дешевых и подобраны со вкусом.

Недавно я поведала ей, как еще с юных лет пустилась во все тяжкие и, что называется, вела двойную жизнь. В темноте лица соседки не было видно, но я уверена, что она скорчила презрительную гримасу.

Мужчин я любила таких, которым жилось еще хуже, чем мне. И хотя более чем сомнительные мои похождения оставались в тайне от моих учительниц и соучениц, от домашних они, понятно, не укрылись, всякий раз повергая их в ужас. Должно быть, именно в ту пору отец из-за меня подорвал себе здоровье. Еще бы – его невинное белокурое дитя якшается с подозрительными типами, отбросами общества, бомжами, от одного вида которых его трясет. Добро бы это был кризис полового созревания! Но, к несчастью, и когда он миновал, пристрастия мои ничуть не изменились. Подобно тому как прежде я откручивала ручки-ножки моим куклам, чтобы было кого штопать и лечить, точно так же теперь я повсюду отыскивала больные мужские души, чтобы подвергнуть их спасительному врачеванию. Как выяснилось, мне легче справляться со своими трудностями, когда я нахожу в себе силы преодолевать чужие.

С моих детских фотографий на меня глядит очень живое, даже чуть плутоватое личико. Карие, с искринкой глаза схватывают все на лету. Я всматриваюсь в них сквозь годы, пытаясь уже там, в детстве, разглядеть в них эту жажду во что бы то ни стало добиться любви в обмен на свою опеку, заботу и ласку. Эта сугубо женская потребность, которая обычно обращена на маленьких детей, но находит себе выход и в хлопотах по дому и саду, в кухонных трудах и даже в уходе за больными, в моем случае почему-то искала себе жертв главным образом среди мужской половины человечества. Нет бы моим родителям подыскать мне тогда работу приходящей няни или, на худой конец, купить мне лошадь. Они же вместо этого окантовывали и вешали на стенку свидетельство об успешном окончании мною очередного класса.

Поначалу я даже не отдавала себе отчет, что меня столь неодолимо влекут к себе всякие изгои, больные и невротики. Между тем еще в школе у меня появился друг, употреблявший героин и жаждавший спасения именно и только от меня. Я тоннами поглощала шоколад, ночи напролет наставляя на путь истинный своего плаксивого избранника, и воровала для него у родителей деньги, сигареты и спиртное. Не угоди он за решетку, я, быть может, и по сей день занималась бы его воспитанием. Я ведь в ту пору была золото, а не подруга.

Следующим у меня был безработный моряк. Ну а затем кого только не было в моей коллекции: и депрессивный субъект, и хронический больной, и спасенный мною самоубийца, и даже свежевыпущенный на волю уголовник с наколотым свирепым орлом на груди.

Пополнению коллекции немало способствовала и моя профессия аптекарши. Вопреки строжайшим запретам я не раз открывала в ночи иному замученному ломкой бедолаге, явившемуся ко мне с мольбой о «колесах», не только окошечко в аптечной двери, но и саму дверь.

Чтобы раз и навсегда уяснить для себя свою роль в чужих неустроенных судьбах, я не однажды начинала курс психотерапии, но ни разу не успевала довести его до конца – слишком много времени отнимало у меня врачевание моих собственных подопечных. К тому же мало-помалу мне и без всякого психотерапевта стало ясно, что меня – внешне такую образцово-показательную, такую благовоспитанную пай-девочку – как магнитом притягивает все, что лежит за пределами буржуазной добропорядочности.

Я сама пугалась этой таящейся во мне бездны; иногда мне снилось, что я, убитая очередным из моих любовников, отправляюсь на тот свет, так и не родив ребенка. Я просыпалась в ужасе, с каким-то щемящим чувством собственного ничтожества, ибо жизнь женщины, не изведавшей материнства, казалась мне зряшной, пропащей. Я знаю цену своему уму и своей образованности, своему трудолюбию, однако мое биологическое предназначение значит для меня ничуть не меньше. Мне так хотелось хотя бы раз приобщиться к таинствам сотворения мира и породить другую жизнь. Время утекало, как песчинки в песочных часах. Все мои помыслы были сосредоточены на будущем ребенке, на этом крохотном существе, которое можно будет лепить по своему усмотрению, воспитывать по велению сердца – холить и лелеять, опекать и защищать. Мне хотелось, чтобы мой ребенок был причастен ко всему, что казалось мне важным в жизни. Он ничем не будет обделен – ни материнской лаской, ни игрушками. И конечно же, у него будет образцовый папа, достаточно интеллигентный мужчина из хорошей семьи, у которого достойная работа и стабильный доход. Правда, мои тогдашние поклонники этим стандартам никак не соответствовали.

Госпожа Хирте мирно похрапывает.

2

Однажды в воскресенье меня пришла навестить Дорит, моя подруга детства. Она может ко мне вырваться, только когда ее Геро соглашается присмотреть за детьми. Не успели мы войти во вкус нашего традиционного трепа, как в палату ввалилась куча врачей – обход. Дорит из деликатности удалилась в коридор. А нам пришлось отвечать на стандартные, избитые вопросы:

– Ну-с, как мы себя чувствуем? Вены не беспокоят? Шов не болит?

– Когда меня выпишут? – спрашивает госпожа Хирте.

Заведующий отделением, уж пора бы ей знать, не большой охотник брать на себя ответственные решения. Скосив взгляд на мешочек мочеприемника, он отделывается шуткой:

– Что, так с катетером вас и выписывать?

Когда Дорит снова уселась возле моей кровати, я принялась рассказывать ей, до чего мы этого завотделением, доктора Кайзера, терпеть не можем, – тут госпожа Хирте даже соизволила обнаружить свое участие в нашей беседе кивком головы, – в отличие от господина доктора Йоханзена, главного врача.

– Понимаешь, он смотрит тебе в глаза секунды на две дольше, чем нужно, – рассказываю я Дорит, – этак и влюбиться недолго.

Усмехнувшись, моя подруга с любезной бесцеремонностью пытается вовлечь в разговор госпожу Хирте.

– Элла не преувеличивает, как вам кажется?

В ответ эта мымра, буркнув нечто нечленораздельное, разворачивает «Вельт ам зонтаг» и углубляется в самый скучный экономический раздел газеты.

Конечно, о семье можно рассказывать днем и ночью, но большинство женщин явно предпочитают истории про мужчин. Для себя я давно решила, что жить госпоже Хирте осталось недолго, значит, она ничего и не разболтает, а коли так, можно подарить ей еще парочку волнительных часов без сна. Истории мои она обычно выслушивает без всякого комментария, но однажды даже у нее вырвалось:

– Да вы просто сумасшедшая!

Меня это крайне позабавило, и теперь меня почему-то так и подмывает чем-нибудь еще эту старую перечницу поразить. Обстоятельно, во всех подробностях, я рассказываю ей про Левина.

Когда он показался на моем горизонте, у меня поначалу возникло ощущение, что душеспасительная полоса в моей биографии теперь-то уж позади. Наконец-то у меня появился совершенно нормальный парень, пусть на несколько лет моложе меня и еще студент, но в остальном, что называется, вполне «правильный». Втайне я, конечно же, подумывала о замужестве, о детях, но заговорить об этом первая никогда не отважусь. До таких решений мужчина должен дозревать самостоятельно.

Жизнь у Левина тоже была не сахар, но при этом он не стал преступником, не сел на иглу, не припал к бутылке и не пустился во все тяжкие. Главной причиной его страданий была мать, сразу же после внезапной смерти отца сошедшаяся с другим мужчиной и уехавшая с ним в Вену. Неподалеку, в каком-нибудь получасе езды от Хайдельберга, обитал его удивительно живучий, хоть и тяжелый характером дед, которому, похоже, единственный внук требовался главным образом в качестве посыльного, газонокосильщика и персонального шофера. Кстати, я и познакомилась-то с Левином, когда надумала купить себе подержанный автомобиль.

В моей шкале жизненных ценностей автомобили располагаются где-то по соседству со стиральными машинами. Помимо цены и пробега на спидометре меня интересует в них разве что цвет – и то лишь в той мере, в какой он не бросается в глаза.

В тот день, слоняясь по двору автомобильной комиссионки, я вскоре заметила неподалеку от себя высоченного парня, что расхаживал между рядами машин, изучая картонные таблички с ценой и прочими данными, приклеенные изнутри к ветровым стеклам. Скользнув по нему взглядом, я в поисках дельного совета продолжала высматривать продавца.

– А вот это уже кое-что, – задумчиво проговорил молодой человек, указывая на кабриолет.

Я только помотала головой.

– Да вы хоть раз ездили в открытом автомобиле? – поинтересовался он. – Неужели не тянет подставить упругому встречному ветру ваш хорошенький носик?

Я испуганно подняла на него глаза.

– Сколько он предложил вам за вашу тачку? – спросил он.

– Две тысячи, – призналась я не без досады.

В магазин мы вошли вместе, а там я доверила все переговоры незнакомцу. Если честно, я вообще стесняюсь торговаться. А вот Левин – тот торговался цепко и напористо, как настоящий барышник. Результат переговоров превзошел все мои ожидания, хотя, по правде сказать, приобретать этот легкомысленный автомобиль вообще-то не входило в мои намерения.

Но не успела я оглянуться, как мы уже совершали пробную поездку, Левин за рулем, я рядом с ним, а пристроившийся на заднем сиденье продавец то и дело что-то орал мне прямо в ухо, расхваливая достоинства своего стального мустанга.

– Зачем же так коротко стричь такие белокурые волосы? – как бы между прочим спросил вдруг Левин. – Они бы так живописно развевались сейчас на ветру…

– Вот и купите себе этот кабриолет, раз уж он вам так нравится. И пусть в нем развеваются на ветру ваши белокурые волосы…

– Наш брат студент о такой тачке может только мечтать…

Так вот, значит, почему на нем такая потертая лётная куртка из секонд-хэнда. Бедный мальчик.

Два часа спустя заносчивый кабриолет нестерпимо алого цвета красовался у подъезда моего дома, а я держала в руках свежеподписанный договор купли-продажи автомобиля в рассрочку.

Еще несколько дней меня мучили подозрения, уж не работает ли Левин у того продавца тайным агентом, – барышники и не на такие уловки горазды. Но я ошибалась.

А потом как-то воскресным утром этот верзила заявился ко мне домой.

– В такую прекрасную погоду… – начал он.

Пришлось объяснить ему, что я работаю над диссертацией, в аптеке из-за этого перешла на полставки, а значит, и в выходные должна трудиться, чтобы наконец эту проклятую диссертацию добить.

Как-то само собой получилось, что Левин оказался за рулем. Он принес мне раскосые солнечные очки, типичный подарок с блошиного рынка, я в них сразу стала похожа на кинозвезду шестидесятых годов. Обо мне можно говорить все что угодно, называть меня «доброй душой» и даже «своим парнем», но вот к комплиментам по части моей внешности я отношусь настороженно.

Впрочем, льстя мне, Левин, как выяснилось, вовсе не кривил душой. У него было привлекательное свойство – способность по-детски искренне, пламенно воодушевляться.

– Да это же просто сад, я такой красоты в жизни не видел! – воскликнул он, осматривая уже после нашей автомобильной прогулки мою скромную двухкомнатную квартирку и имея в виду балкон.

Балкон как балкон, ничем не лучше тысячи других, столь же неряшливо поналепленных по стенам новостроек. Правда, я действительно большая любительница цветов: в ящиках вдоль перил у меня весело перемигиваются желтые, красные и оранжевые настурции, в горшках цветут розы, герани и даже лилии, стальные прутья балконной решетки прихотливо обвивает розовый и белый горошек.

Желая задержать его еще на несколько минут, я предложила пришить оторвавшуюся пуговицу.

Нет, с этим он вполне справится и сам.

– Если руки плохо приделаны, в зубные врачи лучше не соваться.

Я удивилась: с какой это стати он решил податься в стоматологию, по-моему, это совсем не для него.

– А с той же самой, с какой вы решили стать аптекаршей, – парировал он. – Чтобы денег побольше загребать.

Я бросила на него внимательный взгляд, – вот, значит, какого он обо мне мнения.

Во время нашей второй автомобильной прогулки мы уже были на «ты», хотя до нежностей дело так и не дошло. А в третий раз он объявился на пороге квартиры с котенком в руках, коего с сияющим видом мне и вручил. Вынуждена признаться: котят я просто обожаю. Но хотя мне не однажды предлагали котенка, я неизменно отказывалась – как раз из любви к ним и из чувства ответственности. Ведь меня целыми днями не бывает дома, и по ночам часто в аптеке приходится дежурить, да и если уехать захочу – на кого тогда бедного котенка оставить? Все эти мои возражения Левин просто пропустил мимо ушей.

– Это кот, – сообщил он. – Как мы его назовем?

– Тогда кот Мурр, – сказала и с нежностью вспомнила про кота моего деда, которого в детстве очень любила.

– Нет, мне не нравится, – не согласился Левин. – Назовем его Тамерланом.

Так к моему кабриолету добавился еще и кот, хотя ни того, ни другого я себе не выбирала. Стоит ли удивляться, что некоторое время спустя почти помимо моей воли в моей постели оказался молодой мужчина?

Снова и снова я спрашиваю себя: может, Левин все это затеял только ради прогулок на кабриолете? Потому что автомобиль, этого нельзя отрицать, играл в наших отношениях эротизирующую роль, по крайней мере для Левина. Для меня же Левин стал первым любовником, с которым я могла беззаботно смеяться и снова почувствовала себя молодой. Понятное дело, я не расспрашивала его, много ли у него было женщин до меня, но почему-то мне казалось, что не слишком много. Мы достаточно регулярно спали друг с другом, но куда больше времени он уделял нашим беседам. Так что нередко инициатором очередного часа любви выступала я, хотя, если уж совсем начистоту, никакой это был не час и даже не четверть часа.

Иногда мы ездили даже во Франкфурт – просто чтобы сходить в кино. Я-то считала это напрасной тратой времени и денег, ведь тот же самый фильм и в Хайдельберге посмотреть можно. Хотя, не спорю, это было упоительно – мчаться в автомашине рядом с человеком, который от бешеной скорости просто приходит в состояние эйфории.

Да и вообще, это было прекрасное время. Я поклялась себе не поить и не кормить Левина, не баюкать его на ночь, не гладить ему рубашки и уж тем более ничего не печатать ему на компьютере. Но в конце концов, он ведь возится с моим автомобилем, установил в нем два динамика и почти новое авторадио, а отправляясь домой, даже прихватывает с собой кое-

какой мусор на выброс, да и коту приносит рыбные остатки из дешевой закусочной «Дары моря». К тому же какой бессердечной стервой надо быть, чтобы не поджарить тощему оголодавшему парню нормальный бифштекс с луком? А в студенческой столовке разве хорошего мяса поешь? Решив не быть мелочной, я сама драила для нас ванну и покупала ему трусы и носки, чтобы после ванны с травяным экстрактом ему было во что переодеться.

Диссертацию свою я почти совсем забросила. Да и Левин меня отговаривал, он считал, что кандидатская степень для аптекарши – просто блажь. Я объяснила ему, что в аптеке я всего лишь продавец лекарств, пусть и со знанием компьютера, а вот с кандидатским дипломом я могу рассчитывать получить место на крупном предприятии или в научно-исследовательском институте.

– А где заработок больше? – оживился он.

– На предприятии, наверно, ну или если самой аптеку открыть. Но меня-то больше интересовала бы научная работа, особенно в области токсикологии.

Из тактических соображений о своих самых заветных желаниях я предпочла умолчать.

Раз в три недели у меня ночные дежурства; и вот Левин повадился навещать меня во время дежурства на работе, развлекал беседой, между делом интересовался, в чем заключаются мои обязанности.

– Да ничего особенного, – отвечала я. – Вот в аптеке моего деда по ночам еще бывали заказы по индивидуальным рецептам врачей, я такие, к сожалению, делаю сейчас только для двоих-троих кожников старой школы.

Из богатейшего дедова хозяйства мне, увы, кроме нескольких флакончиков и ступок, ничего не досталось: аптеку его распродали. Левину тем не менее очень хотелось взглянуть, что же перепало мне в наследство.

Из шляпного отделения моего платяного шкафа я извлекла изящные, коричневого стекла аптечные флаконы с написанными от руки этикетками.

– Ну подари хоть один, – стал клянчить Левин, – я буду держать в нем лосьон после бритья.

И разумеется, выбрал мой любимый флакон – самый маленький и изящный. На выцветшей этикетке фиолетовыми чернилами было выведено: «POISON».[2] Левин заинтересовался еще больше. Он с усилием вынул притертую стеклянную пробку и высыпал содержимое на шелковую диванную подушку. Из пузырька высыпались маленькие стеклянные колбочки диаметром с ноготь и длиной от двух до четырех сантиметров. Левин прочел вслух: «Apomorphine Hydrochlor., Special Formula No. 5557, Physostigmine Salicyl., gr. 1/600, Poisons List Great Britain, Schedule I»[3] и так далее. Он с любопытством на меня глянул.

– Яд?

– Ну конечно, – ответила я. – А что тут такого? Я же аптекарь.

Левин осторожно открыл одну из колбочек, извлек оттуда вату и вытряс таблетку. Даже я удивилась, до чего она крошечная – с бисеринку, не больше.

Вот что любопытно, продолжал Левин, он слыхал, что в некоторых странах с тоталитарным режимом руководители государства, а также иные лица, имеющие допуск к высшим государственным тайнам, постоянно имеют при себе капсулу с ядом, чтобы при угрозе пыток тут же покончить с собой, эта капсула у них в зубе запломбирована.

– Вот уж не думал, что яд может так симпатично выглядеть.

Я молча забрала у него все колбочки, прокипятила флакон в мыльной воде и только после этого отдала.

---

[2] Яд (*англ.*)

[3] Апоморфин гидрохлор, специальный заказ № 5557, физостигмин салицил., гр. 1/600, реестр ядов Великобритании, каталог № 1 (*лат., англ.*)

В тот же вечер я ужаснулась и стала осыпать себя упреками: как можно было годами хранить столь опасные препараты просто так, в платяном шкафу? Ведь сколько потенциальных самоубийц оставались в этой спальне на ночь! Хорошо, что времена эти миновали. Решив во что бы то ни стало припрятать яд в более укромном месте, я взяла один из мешочков с сушеной лавандой, высыпала его содержимое в мусорное ведро, сложила туда колбочки и английской булавкой подколола мешочек к подкладке моей длинной шерстяной юбки, которую все равно почти не ношу.

Жизнь Дорит, моей школьной подруги, почти полностью посвящена двоим ее маленьким детям. Так что видимся мы, к сожалению, редко, главным образом когда ей в очередной раз требуется валиум. Но уж тогда мы стараемся отвести душу и поболтать всласть. На сей раз мы сидели в кафе «Овечка», и она опять завела свою старую песню, дескать, нельзя всю себя отдавать работе, этак у меня никогда не будет ни мужа, ни детей.

– Да что ты, Дорит, какая там работа, у меня новый любовник.

– Честно? Что ж, будем надеяться, тебе хоть с этим наконец-то повезет…

Я пообещала их познакомить.

Хотя Левину было двадцать семь, выглядел он, к сожалению, намного моложе. У него все еще была угловатая фигура абитуриента, аппетит четырнадцатилетнего юнца и восторженность первоклашки. И все же, на мой вкус, внешне он выглядел совсем неплохо, хотя и не настолько хорошо, чтобы все женщины на него бросались: непомерно большой нос странно выделялся на его по-детски розовом личике, отчего вся физиономия казалась слегка асимметричной, как бы чуть скособоченной. С его почти мальчишеской внешностью плохо вязалось то тщеславное упорство в занятиях, с которым он стремился как можно скорее закончить университет.

Как и следовало ожидать, Дорит осталась им недовольна.

– Кое-какой прогресс, конечно, есть, не спорю, – заметила она без энтузиазма. – Но он на тебе никогда не женится, уж с твоим-то жизненным опытом пора тебе это видеть.

– Это почему же?

– Господи, да что тут непонятного? Ему мамочка нужна, которая будет носить ему из аптеки анисовые леденцы от кашля, нос утирать и давать машину покататься. А в один прекрасный день, когда ты, еле живая от усталости, будешь ехать домой с работы, ты увидишь его на набережной Неккара с какой-нибудь двадцатилетней мочалкой, которую он будет нежно за ручку держать.

Конечно, Дорит вразумляла меня из лучших побуждений, и, наверно, в чем-то она даже права, ведь, к немалому моему ужасу, похожие сценки, увы, рисовались иногда и в моем воображении. Но кто же способен, руководствуясь одними только доводами разума, выставить за дверь любимого мужчину? Да и не такая уж неимоверная у нас разница в возрасте, – что такое восемь лет в наше время, когда иные старухи выскакивают замуж за юнцов лет на двадцать себя моложе. К тому же и выгляжу я гораздо моложе своих лет. Дорит даже утверждает, что я, дескать, из тех вечных блондинок, которые и в пятьдесят пять выглядят на двадцать с хвостиком, – теперь осталось только проверить, как сбудется это ее пророчество. (Как удачно, что вот уже два года я хожу с контактными линзами и Левин не видел меня в моих огромных очках.) Кроме возраста было, конечно, и еще кое-что, что нас разделяло, но я в то время еще не вполне отдавала себе в этом отчет. Его страсть к автомобилям я не принимала всерьез, но вот некоторая его поверхностность, что ли, бывало, меня все-таки коробила. Да и восторженность его была какая-то неглубокая и относилась, как правило, к вещам сугубо материальным.

И все же, все же, когда солнечным воскресным днем мы с Левином катили в Эльзас, чтобы со вкусом там пообедать, жизнь и вправду казалась мне прекрасной.

Однажды часа в четыре, когда, сидя на диване, мы лакомились вишневым тортом собственного приготовления, к нам в гости пожаловала Дорит с детьми, – вероятно, чтобы самой удостовериться, вправду ли уж так хороша наша совместная идиллия. Дети тут же устроили кучу-малу – каждому хотелось первым погладить кота.

– В жизни не видел таких милых детей, – сказал Левин, хотя не заметить, как Франц выдернул у сестрицы клок волос, а Тамерлан, шипя, в ужасе метнулся на шкаф, было невозможно.

А Дорит, надо сказать, никогда особой застенчивостью не отличалась. И сейчас каким-то ржавым, ядовитым голосом она задала моему юному бойфренду вопрос, что называется, в лоб:

– Ну а сам-то ты сколько детей заводить собрался?

Я покраснела как рак и уставилась на кота – в сторону Левина я даже взглянуть боялась.

А он совершенно спокойно ответил:

– Двоих, наверное.

Я чуть не бросилась ему на шею и не расцеловала, только вот кто сказал, что в качестве матери этих двоих детей он видит именно меня?

Когда Левин понес на кухню кофейник, Дорит заговорщически мне подмигнула, в ответ на что я жестом показала ей, что при первой же возможности ее удавлю.

Тем не менее я не утаила от нее – рано или поздно все равно пришлось бы об этом рассказать, – что в ближайшее время я снова перехожу в аптеке на полный рабочий день, для начала подменять молодую сотрудницу, которая уходит в декрет, так что диссертацию пока что придется отложить. Но вот о том, что я начала печатать дипломную работу Левина, я, конечно, ни словом не обмолвилась. Это как раз то, чего я не хотела допустить ни при каких обстоятельствах; но когда он пришел ко мне и попросил объяснить, как печатать на компьютере, вид у него был, мягко говоря, довольно жалкий. Как выяснилось, этот на все руки мастер умеет на компьютере только играть в детские игры, больше ничего.

Стыдно признаться, но я и тут была счастлива. Тематика, правда, незнакомая, но довольно скоро я убедилась, что работа у него нетрудная, во всяком случае много проще моей. Я переворошила гору специальной литературы и справочников, узнав необычайно много нового о человеческой челюсти. Даже сейчас, когда столько времени прошло, я без труда могла бы сделать небольшой доклад на тему «Силиконовые пластические материалы для снятия объемных оттисков и особенности их применения в стоматологии». Видимо, именно в пику отцовскому вегетарианству я стала страстной мясоедкой, хоть и знаю теперь, что для здоровья это не слишком полезно. Поэтому, как правило, больше ста граммов на нос я не покупаю. Но для здорового голодного парня как не сделать исключение? Зато какой это был восторг – вместе наброситься на гигантский бифштекс!

Однажды Левин принес мне разделочный нож для мяса и большую вилку, чтобы раскладывать порции по тарелкам, – семейное серебро с монограммой. Я растроганно изучала изысканный греческий ленточный орнамент, затейливый фамильный вензель и мелкие царапинки, оставленные на лезвии ножа тремя поколениями хозяев.

– Красота какая, – восхитилась я. – Даже не верится, как это твой дед решился с ними расстаться.

– Не то чтобы он так прямо решился, – пробормотал Левин, подправляя нож стальной точилкой. – Просто деду такие вещи уже ни к чему, у него, по причине самой банальной

скупости, плохо подогнаны зубные протезы, так что мясо он может есть только в совершенно разваренном виде.

– Нет, это не по мне, – заявила я решительно. – Краденые вещи мне ни к чему, все равно мне от них никакой радости, отнеси все назад.

В ответ Левин только высмеял меня. Он же все равно наследник, рано или поздно оно все равно ему достанется, какой же смысл оставлять прекрасное серебро попусту тускнеть в буфете?

Я сдалась, сочтя похищение серебра шалостью, великовозрастной мальчишеской проказой, и понемногу стала привыкать к фамильным столовым приборам, число которых со временем увеличивалось.

Подруга Дорит только посмеивалась, слушая мои рассуждения о никчемности материальных ценностей; сама она без малейшего стеснения признается, что обожает дорогие вещи и шикарные магазины. Меня при этом она уличала в ханжестве. Дескать, мою позицию следует скорее квалифицировать как Understatement.[4] Я, мол, ненавижу богатство, хвастливо выставляемое напоказ. Зато ухлопать тысячу марок на какую-нибудь мелочь, скажем на японскую фигурку нэцкэ, на изящное колечко в стиле модерн с жемчужинами и эмалью, на дамскую сумочку экстра-класса, – это я всегда пожалуйста. Наверно, поэтому у меня не повернулся язык всерьез отчитать Левина, когда он принес мне драгоценности своей бабушки. Вещицы были скорее скромные, правда очень тонкой работы и золотые. Но в конце концов я тоже много всего для него делаю, трачу на него деньги, пекусь об его интересах. Столовое серебро и бабушкины золотые украшения – это знаки его любви, так надо на это смотреть. Теперь бы еще решить вопрос с ребенком…

Среди ночи госпожа Хирте иногда вдруг просыпается, хватает флакончик «Мисс Диор» и торопливо себя опрыскивает. Однажды в ночном полумраке – полной темноты в палате не бывает никогда – я видела, как она надевает на голову наушники своего плейера. Наверно, решила еще раз послушать свои любимые песни Брамса, которые иногда, как, кстати, и свои духи, радушно протягивает мне, будто это коробка конфет…

[4] Недосказанность, недоговоренность (*англ.*)

3

О себе она рассказывает мало. Когда меня пришла навестить моя бывшая аптечная шефиня, госпожа Хирте вдруг как-то погрустнела и скисла. Сама-то она никаких сил не жалела, стараясь разгрузить своего шефа, и вот она, благодарность. Стоило ей утратить трудоспособность, как о ней тут же забыли.

Я не большая любительница подобных откровенностей, особенно между женщинами; своей подруге Дорит, например, я только тихо завидую, а она, похоже, не без удовольствия поощряет во мне это чувство. Но тут, к этой незнакомой, в сущности, совершенно чужой мне женщине я впервые в жизни испытала сострадание – чувство, которое прежде во мне пробуждали исключительно мужчины.

Однажды в неурочный час Левин заглянул ко мне в аптеку, хотя прекрасно знает, что я не люблю на глазах у шефини уходить из-за прилавка в задние комнаты.

– Ну, в чем дело? – нетерпеливо спросила я, строго глядя в его сияющие глаза.

– Как насчет того, чтобы поменять собственную квартиру на общую? – поинтересовался он.

Все что угодно, только не это, пронеслось у меня в голове. Только-только я обжилась в своей маленькой уютной квартирке, очистила ее от всех дармоедов и захребетников, и теперь отказаться от всех этих завоеваний? Если я и соглашусь на такое, то только ради создания своей собственной семьи. Я энергично помотала головой.

– Да ты послушай сперва, – уламывал меня Левин, – у меня в руках, можно сказать, королевские апартаменты для нас двоих, это сказка, а не квартира!

Уверенными, точными движениями своих красивых рук Левин, будто заправский архитектор, принялся набрасывать план.

– Без балкона? – разочарованно протянула я.

– Не совсем, – возразил Левин. – Видишь ли, дом-то в Шветцингене,[5] в трех минутах ходьбы от замкового парка. Ты будешь, как княгиня, прохлаждаться в парке на белых скамейках, любоваться фонтанами, кормить уток, да еще и в барочный театр на все премьеры ходить!

В конце концов мы сняли эту большую квартиру в старом доме. Сквозь высокие решетчатые окна свет падал на деревянные полы. По сплетениям дикого винограда Тамерлан мог из окна спускаться прямо в сад и вкушать там все радости привольного кошачьего житья. Однако вскоре помимо балкона мне стало недоставать и еще кое-чего более существенного: покоя. Прежде Левин приходил ко мне всего на несколько часов и на ночь обычно не оставался. Теперь же, возвращаясь с работы, я неизменно заставала его дома, из чего, однако, вовсе не вытекало, что в ожидании меня уже зазывно посвистывает чайник. Зато радио орало вовсю, его пытался перекричать телевизор, а сам Левин в это время громко разговаривал с кем-то по телефону.

– Что сегодня на ужин? – деловито вопрошал он вместо приветствия.

Что ж, я получила, что хотела. Разумеется, я его обстирывала, я готовила, я ходила по магазинам, и за квартиру платила тоже я. Само собой, машину мою он брал когда вздумается.

Однажды после особенно тяжелого дня я, словно мать нерадивого сына, отругала его за беспорядок в квартире. При этом Левин даже не был неряхой, просто он ухитрялся занимать собой все пространство в квартире. Обе мои комнаты теперь неизменно были завалены

[5] Городок в 10 км от Хайдельберга

вещами, не имеющими ко мне ровно никакого отношения, тогда как его комната выглядела почти необитаемой.

– Ты иногда у меня прямо как ребенок, – сказала я и поцеловала его.

– Разве ты не хочешь детей? – спросил он.

Я чуть не поперхнулась.

– Конечно, хочу, всякая нормальная женщина хочет иметь детей.

Казалось, Левин о чем-то раздумывает.

– Хочешь, заведем? – спросил он. Прозвучало это так, будто в дополнение к кошечке он не прочь завести и собачку.

– Потом, – сказала я. Мне хотелось иметь не внебрачного ребенка, а полноценную семью.

Не реже раза в неделю мы ездили к деду Левина в Фирнхайм.[6] Я ожидала увидеть нечто вроде богадельни и была немало изумлена при виде дома, скорее заслуживающего называться виллой. Старик жил здесь один, под присмотром экономок, которые, правда, то и дело менялись. Последнее обстоятельство Левин объяснял допотопными представлениями старика об их жалованье.

Видимо, дед и вправду несколько оторвался от жизни и реальных цен на рынке труда, пребывая в безумном убеждении, что весь белый свет только и норовит его облапошить. Левин отзывался о старике без особого почтения, но долг свой исполнял честно: следил за домом и садом, возил деда по врачам и в банк, даже ногти ему на ногах стриг. Со временем и я стала выполнять работу, на которую не были способны экономки: печатала письма, заполняла бланки счетов, сортировала белье, пополняла продуктами морозилку. Думаю, кто другой на его месте отблагодарил бы меня не только скупым словом, но и каким-нибудь маленьким презентом. Тем больше я ставила Левину в заслугу, что он – пусть не без ворчания – все равно продолжает бескорыстно заботиться о деде.

Однажды, когда я оказалась со стариком наедине – Левин повез отдавать в ремонт газонокосилку, – я попыталась обрисовать ему плачевное материальное положение его внука.

Герман Грабер, так его звали, посмотрел на меня раздосадованно.

– Значит, и вы тоже считаете меня старым скрягой, – проговорил он и, как ему казалось, незаметно прополоскал свои «третьи» зубы глотком кофе. – Допустим, вы знаете, что я богат. Чего вы, полагаю, не знаете, так это того, что мой бедный обездоленный внук превратил в груду металлолома мой новенький «мерседес». За что ему и приходится безвозмездно делать для меня кое-какую мелкую работу, но если он при этом еще и жалуется, то лучше уж мне сразу завещать все свои деньги первому попавшемуся сироте.

«Да это же шантаж!» – подумала я с возмущением, подкладывая кусок яблочного пирога на его тарелку, украшенную альпийским пейзажем.

– К тому же еще большой вопрос, – продолжал он, – действительно ли одна из двух последних экономок увела у меня фамильное золото и серебро или это внук постарался.

Я покраснела и промолчала.

Но Герман Грабер, похоже, моего смущения не заметил, поскольку как раз в этот момент углядел в саду на бельевой веревке чей-то черный бюстгальтер.

На обратном пути я принялась расспрашивать Левина об аварии. Он отвечал неохотно, почти сквозь зубы.

– Устал, наверно. Ну и провалился на секунду. Из Испании возвращался, всю ночь гнал.

Я сочла, что это ужасная безответственность.

[6] Городок в 20 км от Хайдельберга

– Кто-нибудь пострадал?

– Не совсем… На меня по встречной вылетел грузовик, начал резко выворачивать, и у него прицеп опрокинулся. Угадай, чем он был нагружен? Конфитюром в стеклянных банках. Представляешь, как шоссе выглядело?

– Я спросила, пострадал ли кто-нибудь?

– Вернее, это был даже не конфитюр, а сливовый мусс.

Несколько минут мы молчали.

На новом «мерседесе» Левину разрешалось лишь время от времени вывозить старика, да и то на черепашьей скорости, брать же машину для своих нужд ему было категорически запрещено.

– И на чем же твой дед такое состояние сколотил?

– Он был электриком на маленькой фабрике и изобрел там какой-то невероятно выгодный промежуточный продукт, который взялся производить уже на своей собственной фабрике. Разбогател он еще в молодости, потом предприятие стало хиреть. Когда умер мой отец, дед вообще фабрику продал.

Я уже знала, что отец Левина был органистом и к профессии фабриканта, очевидно, серьезного интереса не проявлял.

– Похоже, твой дед решил тебя повоспитывать, – заметила я не без злорадства.

Но Левин так не считал.

– Да он просто садюга, вот и гоняет меня на велосипеде! Другой бы на его месте давно подкинул внуку тысчонку-другую.

Мы ехали по автостраде, хотя я лично предпочла бы красивую горную дорогу через Вайнхайм. Мне и прежде приходилось замечать, что Левин лихач, но сейчас я просто запаниковала.

– Нельзя ли чуть помедленнее, – попросила я. – Куда нам торопиться? Кстати, я нахожу очень благородным с твоей стороны, что ты навещаешь деда бескорыстно, а не из-за какой-то там тысячи.

Левин и не подумал сбросить скорость.

– Конечно, я его навещаю, но уж никак не из благородных побуждений, – сказал он. – По мне, пусть хоть завтра коньки отбросит, но он же, чуть что, завещание грозится изменить.

Я не удержалась от язвительного замечания:

– В последнее время тебе не так уж часто приходится на велосипеде ездить. Так что можешь спокойно дожидаться наследства.

– Ага, пока сам не поседею. Старого хрыча ничто не берет, живучий, этот и до ста лет протянет.

Я рассмеялась.

– Ну и пускай себе живет. Может, и у тебя его гены, тогда и ты доживешь до глубокой старости. А что, кстати, ты бы стал делать с таким наследством?

Левин еще наддал газу.

– Гоночный автомобиль купил бы, по свету поездил, в ралли Париж – Дакар поучаствовал, и уж во всяком случае не гробил бы жизнь на удаление чьих-то гнилых зубов.

Я прикусила язык. Ни будущей работы врача, ни меня в его жизненных планах не предусматривалось.

Вечером следующего дня я демонстративно не притронулась к его дипломной работе, оставив ее лежать на кухонном столе, а сама впервые за несколько недель занялась собственной диссертацией. Я просто идиотка, дура набитая; если так дальше пойдет, я и диссертации не напишу, и ни в какой институт не устроюсь, и замуж не выйду, и детьми не обзаведусь.

Потом я позвонила Дорит и, сгорая от стыда, поведала ей о своих трудовых подвигах ради карьеры Левина.

– Меня это ничуть не удивляет, – холодно заявила та. – Не надо было тебе с ним съезжаться. Да ты вообще хоть любишь его?

– Люблю, наверно, – проронила я.

В том-то и беда. Вопреки всем резонам и предостережениям разума, вопреки сигналам тревоги, которые я ощущала в себе почти физически, – я его любила. Любила, когда он спал возле меня, свернувшись калачиком подобно эмбриону, а мне хотелось плакать от нежности. Когда, оголодавший, радостно ел и нахваливал мою стряпню, когда, как игрушками, восхищался аптечными склянками, когда ему было весело рядом со мной, – тогда все, все было хорошо. Порою счастье длилось часами, когда мы с ним, устроившись на диване, на пару гладили Тамерлана, увлеченно глазея на автомобильные погони Джеймса Бонда по телевизору. Но бывали и вечера в одиночестве, когда я не знала, где он пропадает. Разумеется, каждый из нас волен приходить и уходить когда заблагорассудится. Гордость не позволяла мне его расспрашивать – а может, я уже просто боялась его потерять.

В один из таких вечеров, когда я в тоскливом ожидании уже почти заснула перед телевизором, меня вырвал из дремы телефонный звонок. «Левин! – обрадовалась я. – Наконец-то приучился звонить, когда задерживается!»

Я сняла трубку.

– Элла Морман.

– Извиняюсь, э-э, я, видать, ошиблась номером, – пробормотал взволнованный женский голос.

Я разочарованно положила трубку. Через минуту снова звонок. Тот же молодой голос.

– Извиняюсь, а Левина нет? Вы, видать, его подруга?

– Простите, а с кем я говорю? – крайне сухо осведомилась я, хотя голос и показался мне знакомым.

– Так это ж я, Марго, – представился голос.

Марго была очередная и еще совсем неопытная экономка, которую Левин приискал для деда. Она сообщила, что у Германа Грабера сердечный приступ, он в больнице, а ей велели оповестить ближайших родственников, дело серьезное.

Теперь я и подавно не могла уснуть. Когда Левин вскоре после полуночи, даже и не подумав не шуметь, заявился домой, он по моему лицу сразу понял, что что-то случилось.

– Что, врач звонил?

– Да нет, экономка, госпожа… я не знаю ее фамилии. Словом, она назвалась Марго.

– А мы и не зовем ее иначе, – проронил Левин.

Разумеется, я не ждала от него слез горя, но и столь откровенной радости тоже не ожидала. Перезванивать Марго было уже поздно, Левин решил, что прямо с утра поедет в больницу.

– Университет подождет, это важней, – сказал он.

В ту ночь мы оба плохо спали. Левин лежал на соседней кровати почти без сна, сквозь дрему я слышала, как он встает, ходит то на кухню, то в ванную, включает то телевизор, то радио. Да и мне в мечтах рисовалось совсем иное, причем скорое, будущее на прекрасной вилле. Там и детям будет просторно.

– Все как нельзя лучше, – заявил Левин на следующий день, вернувшись из больницы, – дед тронут, что я так быстро приехал, но дела у него не ахти. Главный врач сказал, все может кончиться очень скоро, мотор больше не тянет. По идее надо бы шунтирование делать, но в восемьдесят лет это исключено.

А потом Левину зачем-то понадобилось, чтобы я вместе с ним вышла на улицу; перед домом стоял «порше».

– Почти новый, и отдают почти даром, – сказал он, не в силах оторвать от машины глаз.

– А он тебе очень нужен? – спросила я.

Левин посмотрел на меня как на ненормальную.

Пришлось сесть с ним в машину для пробной поездки, во время которой я чуть не умерла от страха и едва не оглохла, а кроме того почему-то согласилась взять в банке еще один кредит. Простому студенту банки, как известно, в долг не дают.

А ведь я старалась быть с ним строгой.

Он же скоро будет купаться в деньгах, убеждал меня Левин, и упустить такое сокровище было бы полнейшим идиотизмом.

Столь явно рассчитывать на смерть ближайшего родственника просто неприлично, возражала я.

Тогда этот большой ребенок, которому не терпелось заполучить несусветно дорогую игрушку, попробовал взять меня лестью, взывая к моей, уже не однажды проявленной, щедрости, и даже намекнул на некий ожидающий меня сюрприз.

«Свадьба?» – чуть не выкрикнула я, но вовремя осеклась. Было бы слишком больно встретить вместо ответа его изумленный, ошарашенный взгляд. Оставалось только прикинуться дурочкой.

– Путешествие? – спросила я.

Левин покачал головой.

– Ни за что не угадаешь. Назначаю тебя главным архитектором, дизайнером и руководителем всех работ по перестройке фирнхаймской виллы.

Холодно, без тени признательности в голосе, я поинтересовалась:

– А ты уверен, что у меня есть к этому призвание?

Левин рассмеялся.

– Вить семейное гнездо – призвание всякой женщины.

Обалдев от радости, я кинулась ему в объятия. А потом пошла в банк и запросила кредит, каковой и был мне предоставлен на самых невыгодных условиях.

Левин был на верху блаженства и целыми днями где-то пропадал на своем «порше», благо что и летние каникулы как раз подоспели.

Едва я заканчивала работу, Левин подкатывал к аптеке на машине, и мы мчались то во Франкфурт, то в Штутгарт, а по выходным, бывало, и к морю – хочешь на Средиземное, хочешь на Северное. Но в глубине души меня терзали сомнения: во благо ли ему моя щедрость? Еще, чего доброго, угодит в аварию, как Джеймс Дин,[7] а мне на память о моем единственном кандидате в мужья, которого не стыдно было показать людям, останется только куча долгов?

Однако, когда две недели спустя я пришла в больницу навестить Германа Грабера, он отнюдь не произвел на меня впечатление смертельно больного человека. Старик был бодр и полон планов на будущее.

– Если все будет хорошо, – радовался он, – то меня уже на следующей неделе выпишут. Доктора, правда, пытаются мне внушить, что надо нанять сиделку, но я вовсе не намерен зря тратить деньги. Марго, конечно, далеко не светоч разума, но чуть больше покрутиться сумеет и она.

[7] Джеймс Дин (1931–1955) – известный американский киноактер, сыграл главные роли в фильмах «Берегись, моряк» (1951), «К востоку от рая» (1955) и «Гигант» (1956). Погиб в автомобильной катастрофе

После больницы мы поехали на виллу. Левин занялся стрижкой газона, а я взяла на себя беседу с Марго.

– Господин Грабер, видимо, скоро вернется домой, – сказала я, – вы сумеете при необходимости справиться с работой сиделки, я имею в виду, вдобавок к вашим прежним обязанностям?

– Ничего себе, – протянула Марго и потребовала прибавки.

На обратном пути Левин был, мягко говоря, не в духе.

– Только не говори мне ничего! – накинулся он на меня. – Не волнуйся, получишь ты свои деньги! Кто бы мог подумать, что старый хрыч так легко выкарабкается?!

– Не беспокойся, деньги подождут. Но если он будет жить дома, нам придется чаще к нему ездить. Не знаю, можно ли вообще оставлять его на Марго, по-моему, она с этим не справится.

– Это почему? – возразил Левин. – Марго в порядке. И потом, чего ты ждешь при такой оплате? А я однажды уже застукал нашего дедулю с биноклем – Марго любит загорать в саду без лифчика. Так что пусть спасибо скажет, ведь это я ему ее сосватал, те, что прежде-то были, вообще ни на что не годились.

Выяснилось, что Левин знает Марго еще по начальной школе. Потом он в гимназию перешел, а она доучиваться осталась. После школы на курсы кройки и шитья ходила, потом устроилась простой работницей на фабрику, а потом даже это место потеряла.

Тощая как жердь, Марго смолила сигареты одну за другой. Во мне шевельнулась смутная догадка.

– А наркотиками она часом не баловалась?

– С чего ты взяла?

Я предпочла Левину не рассказывать о своем богатом жизненном опыте, но уж больно хорошо вписывалась эта Марго в галерею неприкаянных душ, с которыми мне доводилось иметь дело прежде. Правда, то все были мужчины. Во всяком случае, одно вдруг стало совершенно ясно: мне эта Марго не нравится.

4

Недавно за очередной вечерней сказкой нас застукала и отчитала ночная сестра. Дескать, госпоже Хирте нужен полный покой. Но моя соседка дала ей неожиданный отпор. Заявила, что ей как раз особенно хорошо спится, когда рядом тихо журчит мой монотонный голос. Так пусть же он не умолкает! На сей раз речь о Марго.

У нас в квартире побывала посторонняя женщина! Я чуяла это нюхом, всем нутром. Крючки моих вешалок всегда направлены в одну сторону, так легче даже в самой пожарной спешке одним движением выхватить из шкафа нужную одежку. Когда-то меня приучила к этому мать, и я соблюдаю этот порядок неукоснительно. А теперь платье в голубую полоску и бирюзовое летнее висят неправильно. Я придирчиво осматриваю туалет и ванную. Разумеется, знакомые Левина, придя в дом, имеют право помыть руки. (Однако в моем шкафу им делать абсолютно нечего.) В унитазе плавает окурок, я этого свинства на дух не переношу: разбухшие сигаретные фильтры не тонут, сколько ни спускай воду, от них потом не избавишься. Левин не имеет этой скверной привычки, он исправно опорожняет свою пепельницу в мусорное ведро. Зато на вилле я то и дело замечаю плавающие в унитазе окурки.

В комнате Левина, которую я тоже подвергла тщательному осмотру, повсюду были разбросаны комиксы, а на подоконнике обнаружились две банки из-под пива. Я попыталась утешить себя мыслью, что они еще совсем дети. Но то, что я, педагогически покачивая головой, ласково спускаю Левину, я вовсе не обязана терпеть со стороны этой Марго. Ей предстоит взять на себя ответственность по уходу за больным, она всего лишь работает у нас по найму, с какой стати Левин водит ее к нам в дом? К тому же я просто не выношу ее духи – этот дешевый яблочный аромат.

– Здесь была Марго? – поинтересовалась я, как только он вернулся. Он бросил на меня короткий, с прищуром, взгляд и предпочел не отпираться. Поскольку она в отличие от меня любит быструю езду, он покатал ее на «порше», надо же поддерживать ее в тонусе. Я не вполне поняла, почему и кому именно это надо. О платяных вешалках я вообще не заикнулась – кому охота выглядеть занудливой матроной, которая мало того что не выносит быстрой езды, так еще и ревнива? По ночам меня донимал один и тот же кошмар: на крутом повороте Левина выбрасывает из машины. Днем я старалась об этом не вспоминать. Пора наконец понять, что моя страсть окружать всех моих мужчин материнской опекой ничего, кроме горьких любовных неудач, мне не принесла.

И все-таки у этой Марго ну совсем никакого стиля! Я вообще хоть убей не пойму, что он в ней такого мог найти. Правда, Левин родом из здешних краев, тесно связан с землей и людьми, тогда как я, уроженка Вестфалии, никогда не чувствовала себя здесь своей. Он болтает с Марго на диалекте, может, это тоже дает ему чувство защищенности и уюта. В свое время он проучился полсеместра на Рейне, в Рурской области, но затосковал по родным пирогам с луком, соленым кренделям и вскоре вернулся восвояси.

Когда мы доставили Германа Грабера домой из больницы, Марго к нашему приезду на свой неказистый манер даже сервировала кофейный столик: перед тарелкой выздоравливающего красовалась лиловая вазочка с воткнутыми в нее тремя цикламенами, его ожидали покупной сливочный торт и крепчайший кофе – ни того, ни другого старику категорически нельзя. Боясь обидеть Марго, мы с Левиным воздали должное и торту, и кофе, а дед потребовал водки. И Левин ничтоже сумняшеся принес ему бутылку. Мы с Марго пообещали Левину не говорить старику о покупке «порше», но она тут же чуть не проболталась.

Герман Грабер явно был рад снова оказаться дома.

– Все, в больницу больше ни ногой, – заявил он, – там с тоски одни глупости в голову лезут.

– Это какие же? – осведомилась я, лишь бы поддержать разговор.

Он хмыкнул.

– А такие, что не стоит ли, к примеру, изменить завещание.

Левин побледнел. Потом вскинулся:

– Ладно, Элла, нам пора.

– Эй, а как же насчет моего жалованья? – вякнула Марго совсем некстати.

Дед потрогал самую крупную бородавку у себя на носу.

– А чтобы тебе всякие глупости в голову не лезли, имей в виду: свою долю наследства ты получишь не раньше, чем закончишь университет. Это чтоб ты не думал, что, ежели я завтра помру, тебе больше и пальцем шевельнуть не придется.

Мне эта мысль показалась не такой уж сумасбродной.

– Так как насчет моего жалованья? – не унималась Марго.

И хотя момент был самый неподходящий, Левин пустился в объяснения с дедом.

– Дедуль, Марго нужна прибавка. Пойми, кругом все дорожает.

– Всем нужны от меня только деньги, – с досадой крякнул господин Грабер.

Пришлось мне робко Левина поддержать.

– Что вы конкретно предлагаете? – спросил старик, глядя на меня в упор.

Чувство справедливости все же возобладало во мне над неприязнью; и что интересно, старик без звука принял все мои доводы. Марго не соизволила сказать мне спасибо, но все же буркнула что-то вроде: «Ну и дела!»

На прощание старик галантно поцеловал мне ручку, от волнения, правда, слегка облившись остатками кофе. Меня он почти растрогал. Левин наблюдал за нами, кипя от злости.

С тех пор как я обнаружила, что Марго побывала у нас в доме, я постоянно с брезгливой подозрительностью искала следы постороннего присутствия в моих комнатах. Я ставила ловушки – укладывала длинный волос на коробку с драгоценностями, обдувала пудрой стеклянные полочки в ванной, где я храню косметику, помечала уровень духов во флаконе, а в платяной шкаф поставила самую неустойчивую вазу, которая при неосторожном открывании дверок непременно свалилась бы на пол.

Долгое время, однако, я ничего не могла обнаружить, и ловушки мои тоже не срабатывали. Что ж, наверно, это все плод моего воспаленного воображения, а злосчастные вешалки в шкафу я, должно быть, сама неправильно повесила. Слишком много сомнительных мужчин было в моей жизни, вот теперь от любой ерунды крыша и едет. Следы и лишние волоски оставались только от моего кота. Но как-то вечером, осторожно открыв дверцы шкафа, я обнаружила на полу разбитую вазу; и коричневые флаконы на полке тоже были переставлены. У меня и здесь свой секрет – начальные буквы этикеток на флаконах образуют слово «анемон», и тут две буквы были перепутаны – я с отвращением и негодованием прочла: «аномен». Левин искал яд, это первое, что пришло мне в голову, и я вся похолодела. Я запустила руку внутрь шерстяной юбки – нет, все на месте. Укрытие обещало быть надежным. Уж этой-то старой юбкой Марго вряд ли прельстится.

Разумеется, я взвешивала, не припереть ли Левина к стенке. Но не по душе мне это. Придется упрекать его, высказывать подозрения, он начнет отпираться, а я буду стоять перед ним как ненавистная училка, распекающая провинившегося ученика. Надо просто получше за ним приглядывать.

Поскольку Левин любит болтать по телефону, мой аппарат нередко оказывался у него в комнате. Так что когда мне однажды вечером понадобилось позвонить Дорит, пришлось идти за телефоном к нему. Уже возле самой двери я услышала, что он с кем-то говорит, а разобрав слово «Марго», остановилась как вкопанная и притихла.

– Адвокат? Когда? – взволнованно спрашивал Левин.

В следующий наш визит в Фирнхайм я даже удивилась здоровенькому и бодрому виду господина Грабера. Ему подобрали какое-то новое сердечное лекарство, и старик уверял, что после этого просто как будто заново родился. Левин деловито бегал по дому и заглядывал во все углы, словно замышляя грандиозный ремонт.

Тем временем Герман Грабер отвел меня в сторонку.

– Он намерен на вас жениться? – спросил он.

Я покраснела.

– Вы лучше его об этом спросите.

– Мне было бы куда спокойнее, знай я, что он под присмотром благоразумной жены. Он у меня без царя в голове.

С проникновенным видом влюбленной дуры я кивала.

Герман Грабер продолжил:

– А вы немного напоминаете мне мою покойную жену. Считайте, что это комплимент. Возможно, я изменю завещание таким образом, чтобы Левин мог вступить в права наследства только в том случае, если женится на вас.

– Лучше не стоит, господин Грабер. Неужели вы думаете, что я хочу женить его на себе насильно?

Тут он рассмеялся.

– Чуть-чуть подтолкнуть человека к счастью никогда не повредит. Я вам ничего не обещаю, но я старый человек, и мне нравится немного поиграть в судьбу. Правда, мой адвокат считает, что я совсем спятил, ведь я чуть ли не каждую неделю меняю текст завещания, но что делать, если у меня столько идей. Когда мой внук расколошматил мой «мерседес», я на время вообще лишил его наследства, за исключением обязательной доли, положенной ему по закону.

Его слабая, в старческих крапинках, но все еще красивая рука ухватилась за мою почти с мольбой.

– Надеюсь, вы еще долго сможете играть с судьбой и вашим завещанием, – рискованно пошутила я. Но он ничуть не обиделся.

– Я вижу, мы понимаем друг друга. А как вам такой вариант: я сделаю наследником моего первого правнука? Тут уж Левин непременно на вас женится, причем опрометью!

Это был хитрый ход, к тому же отвечавший моим самым заветным желаниям, но я и тут застенчиво отнекивалась.

Левину я о нашем разговоре ничего не сказала как раз из-за правнука, неловко было. С другой стороны, желание умудренного опытом старца чуть-чуть повернуть судьбу в благосклонное для меня русло вовсе не казалось мне такой уж нелепицей.

Как со свойственной ей прямотой говорит моя подруга Дорит: «Если хоть чуток сомневаешься – в шею его!» Но меня-то сомнения мучили всю жизнь! Стараясь опекать, холить и лелеять своих мужчин, я невольно попадала к ним в кабалу. Я не могла жить без их благодарности, ответной нежности, чувства, что я им нужна. И все равно – пусть Дорит не думает, что мне всю дорогу попадались одни только непутевые мужики!

Я сидела у нее на кухне и рассказывала о Левине, о том, как прилежен он в учебе, как заботливо ухаживает за дедом, а главное, о том, как я счастлива. Дорит слушала молча, мыла

салат, потом ополоснула сито и разделочную доску, после чего стала разгружать посудомоечную машину. Тут в комнату с ревом влетела ее младшенькая, и Дорит пришлось сесть, чтобы утешить дочурку. Глядя на эту трогательную картину – прильнувшее к матери дитя, нежные ручки, обхватившие материнскую шею, – я снова остро ощутила, чего мне в жизни недостает.

– Мужики – они все эгоисты, – заявила Дорит, – а мы им только потакаем, все подчиняться норовим. Ты же норовишь подчиняться еще до замужества, это вообще никуда. Он ведь за дедом потому только ухаживает, что на наследство рассчитывает, хоть ты об этом не рассказываешь, но у меня и свои источники есть, а с тобой он ласков, пока может получать от тебя все что душе угодно.

– Откуда ты знаешь про наследство? – изумилась я.

– Тоже мне великая тайна! Геро мой родом из Фирнхайма и все про них знает – и про старого скупердяя Грабера, и про фабрику его, которая была, да сплыла, и о неладах с единственным сыном, который вбил себе в голову, что органистом станет…

Муж Дорит и вправду все про всех знал, особенно сплетни и слухи про местных богачей.

– Интересненько, – сказала я, – а что еще Геро тебе рассказывал?

– Сам-то старик был большой ходок по дамской части и раз в неделю укатывал на такси в Висбаден, в тамошний бордель. Его жену это просто убивало. Теперь-то он о ней чуть не плачет, хотя сам же до срока ее в гроб вогнал.

– А о матери Левина что известно?

– Несчастная женщина; может, хоть во втором браке ей больше повезет. Герман Грабер мечтал, что сын у него будет красавец, настоящий мужчина, а вырос хилый музыкантишка; и от невестки он ждал кучу внуков, а она подарила ему только твоего Левина, на котором потом, видать, у них в семье весь свет клином сошелся. С другой стороны, старик Грабер никогда и не хотел сделать из него фабриканта, предприятие-то свое он давно продал.

– Дорит, а вот ты вышла бы замуж за Левина?

– Ну уж нет, у меня уже Геро есть.

Мы рассмеялись. Но она тут же снова заладила:

– Если ты хоть чуточку не уверена, значит, это не то.

– Брось, Дорит, сама-то ты замуж рано выскочила, вот у тебя и запросы. А в жизни все совсем не так просто. Но когда я вижу, как ты с детьми тетешкаешься, я точно знаю, что и мне того же хочется.

– Да ради бога, – сказала Дорит, сдернула с шеи заплаканную дочурку и усадила мне на колени. Та хоть и не сбежала от меня, но и не прильнула всем тельцем, как к маме.

– Ладно, Дорит, пока, – сказала я наконец, сунув ей на прощанье упаковку валиума. – Геро привет, и если он еще что услышит, пусть поделится.

Еще на лестнице я услышала, как в доме надрывается телефон. Марго, опять чем-то взволнованная, потребовала Левина.

– Я понятия не имею, когда он соблаговолит прийти. А что, господину Граберу опять плохо?

– Хозяюшка дорогая, – сказала она, отчего меня всю так и передернуло, – вы уж будьте добры, передайте ему, что мой старик возвращается.

Когда Левин вернулся, я ему эту весть полушутя доложила:

– Ее отец возвращается.

Левин потряс головой.

– Совсем, видно, спятила. Не иначе ужастиков насмотрелась. Ее отец давно в могиле и, надеюсь, уже не восстанет. – Но тут же осекся и переспросил: – Она в самом деле сказала «отец»?

– Она сказала: «Мой старик возвращается».

Левин побледнел и схватился за голову.

– Ты все напутала! Никакой это не отец, это ее муж!

– Муж? Так она замужем?

– Как видишь.

– Тогда где он был раньше? – Впрочем, я уже смутно догадывалась где: не иначе как в тюрьме. Разумеется, я поинтересовалась, за что его посадили.

– Не знаю, меня это не касается, – явно соврал Левин. И убежал в свою комнату звонить. Выждав минуту-другую, я подкралась к его двери, но, кроме невнятных возгласов типа «ах вот оно что» и «ну конечно», ничего не услышала.

Марго живет у Германа Грабера в квартирке для гостей с отдельным входом, неужто теперь она поселит там мужа-уголовника? Этого никак нельзя допустить, иначе одному Богу известно, какая шпана заполонит нашу виллу. У меня даже мурашки по коже забегали. Нет уж, страницы моей биографии, посвященные уголовникам, психам и наркоманам, перевернуты и закрыты раз и навсегда. С другой стороны, нельзя же эту Марго просто выкинуть на улицу, она пока что ничем не проштрафилась, а услуги ее даже после прибавки все равно стоят очень недорого.

Левин вернулся после разговора с Марго какой-то взъерошенный.

– Она напугана. А я не знаю, как ей помочь. Может, ты знаешь?

– А развестись она что, не может?

– По-моему, она боится, что тогда он ее вообще убьет. Не лучше ли ей дать ему немного денег, и пусть катится.

– А твой дед знает, что она замужем?

– Да нет, он не спрашивал никогда.

Левин нервно расхаживал взад-вперед по моей комнате. Ему явно не давало покоя еще что-то.

– Послушай, а тот яд – ты его выбросила? – спросил он наконец.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

– Как я понимаю, ты его не нашел?

Он взвился.

– Думаешь, мне приятно вечно зависеть от твоих денег? А старик только небо коптит, ему все равно помирать, не сегодня, так завтра.

– Выражайся, пожалуйста, яснее: какое все это имеет отношение к яду?

– Элла, ты очень хорошо знаешь, что я имею в виду. Я придумал совершенно безопасный способ. Мы бы враз избавились от всех наших забот. Зажили бы в роскошном доме, я открыл бы в Фирнхайме практику, особо утруждаться нам бы тоже не пришлось, денег на путешествия и увлечения сколько угодно – ну скажи, разве тебя это не прельщает?

Я была в ужасе. С трудом выговорила:

– Замечательная мечта, она может осуществиться и без убийства.

– Да какое убийство! Острая сердечная недостаточность, домашний врач прекрасно знает, что старик в любую секунду перекинуться может.

– Вот и подожди, пока он сам умрет.

– Да не могу я ждать. У меня долги.

Как выяснилось, «долги» – это не мои деньги за его «порше». Оказывается, муж Марго его шантажирует.

– Он меня просто укокошит, если своего не получит.

Я почувствовала, как почва уходит у меня из-под ног. Левин, этот студентик из добропорядочной семьи, первый мой возлюбленный, с которым я даже связывала брачные планы, – и замешан в каких-то темных делах, о которых я и расспрашивать-то боюсь. Я разревелась.

Левин обнял меня, стал целовать, успокаивать. Когда наконец я перестала прятать лицо в его промокшей от моих слез рубашке, я обнаружила, что вид у него тоже совсем невеселый.

– Послушай, – всхлипнула я, – давай начнем все сначала, с нуля. Я просто забуду все, что ты мне только что сказал, а ты вернешь деду столовое серебро и украшения.

– Чтобы он точно знал, что я их стибрил, он-то думает, что это сделала предшественница Марго.

– Просто сознайся и попроси прощения.

– Ага, и он лишит меня наследства.

– Нет, если честно покаешься, он простит.

– Ни в жизнь. Но раз уж ты так настаиваешь… Где эта дребедень?

Я встала, вынула из шкатулки золотую цепочку с кулоном в стиле модерн, браслет с зеленой эмалью, брошь в виде змеи, потом принесла из кухни большую салатную вилку, разделочный нож, прибор для рыбных блюд и изящные чайные ложки. Несколько вещиц я, возможно, забыла, но остальное лежало перед Левином на столе.

– Так это вообще приданое моей бабушки, – изумился он, будто видя все эти вещи впервые, – это ей принадлежало, а вовсе не деду.

Я задумчиво перебирала цепочку, которая шла мне ну просто идеально, так, будто именно для меня ее изготовил какой-то влюбленный ювелир. На что она старику? И зачем ему тяжелое столовое серебро, ежели он давно привык обходиться обкусанной ложкой и гнутой вилкой? Я подумала немного – и положила все на прежнее место.

5

Из своих частых деловых поездок отец любил привозить мелкие сувениры: брикетики гостиничного мыла, подушечки шампуня, конверты и бумагу с эмблемой приютившей его гостиницы, игрушечные пачки сливочного масла. Родительские привычки заразительны, вот и я храню дома солидные запасы маленьких подарков – шариковых ручек, лакричных леденцов, шоколадок, – которыми мы балуем покупателей нашей аптеки. И здесь, в больнице, я собираю урожай от обильных завтраков и ужинов – мелкие расфасовки плавленого сыра и копченой колбасы, кругляшки меда и джема, не считая бананов и яблок. И госпожа Хирте вносит лепту в мои припасы, без лишних слов оставляя свои дары на моем ночном столике. Недавно Павел привел ко мне всех троих детей, причем уже совсем к вечеру, но когда лежишь в первом классе, часы посещений соблюдаются не слишком строго, – и я вручила им внушительный пакет гостинцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.